

О ПРеступниках
и сыщиках

Почему-то никто
не замечает
почталлонов, —
задумчиво сказал он. —
Однако у них есть
чувства, как
и у других людей,
и они даже носят
с собой большие
холщовые сумки, куда
легко можно уложить
труп маленького
человека

Гилберт Кийт Убийство на скорую руку Честертон

О преступниках и сыщиках

Гилберт Кит Честертон

Убийство на скорую руку

«ЭКСМО»

1933

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Вел)

Честертон Г.

Убийство на скорую руку / Г. Честертон — «Эксмо», 1933 — (О преступниках и сыщиках)

ISBN 978-5-04-178225-2

«Гилберт Кийт Честертон (1874–1936) – автор цикла детективных новелл о проницательном священнике Брауне. Если отец Браун берется за расследование, значит, оно будет раскрыто и правосудие восторжествует над злом. В сборник вошли рассказы «Странные шаги», «Невидимка», «Лиловый парик» и другие.

УДК 82(1-87)

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-04-178225-2

© Честертон Г., 1933

© Эксмо, 1933

Содержание

Странные шаги	6
Невидимка	17
Лиловый парик	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гилберт Кийт Честертон

Убийство на скорую руку: рассказы

Перевод с английского *К. Савельева*

© Савельев К., перевод на русский язык, 2011

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Странные шаги

Если вы встретите члена привилегированного клуба «Двенадцать верных рыболовов», приехавшего в отель «Верной» на ежегодный клубный обед, то, когда он снимет пальто, вы обратите внимание, что на нем зеленый, а не черный фрак. Если (при условии, что у вас хватит дерзости обратиться к такому возвышенному существу) вы спросите его, к чему такая причуда, он, скорее всего, ответит, что не хочет быть принятым за официанта. Вы отойдете, подавленный этим откровением, но оставите за собой неразгаданную тайну и историю, достойную того, чтобы ее рассказать.

Если же – продолжая линию неправдоподобных предположений – вы встретитесь с кротким, усердным маленьким священником по имени Браун и спросите его, что он считает величайшей удачей в своей жизни, он может ответить, что самый удачный случай выпал в отеле «Верной», где ему удалось предотвратить преступление и, возможно, спасти человеческую душу, просто прислушавшись к шагам в коридоре. Наверное, он гордится своей невероятной и замечательной догадкой и не преминет упомянуть о ней. Но поскольку крайне маловероятно, что вы достигнете такого высокого положения в обществе, чтобы найти клуб «Двенадцать верных рыболовов», или падете так низко, что окажетесь в обществе бродяг и уголовников, где сможете встретить отца Брауна, боюсь, вы никогда не услышите эту историю, если только я сам не расскажу ее вам.

Отель «Верной», где проходили ежегодные обеды «Двенадцати верных рыболовов», был учреждением, какие существуют только в олигархическом обществе, помешанном на изысканных манерах. Он представлял собой диковинный продукт под названием «эксклюзивное коммерческое мероприятие», который приносил доход, не привлекая посетителей, а фактически отпугивая их. В самой сердцевине плутократии торгаши умудрились стать еще более придиричивыми, чем их клиенты. Они специально чинили препоны, чтобы богатые и пресыщенные люди могли пускать в ход деньги и связи для преодоления этих препятствий. Если бы в Лондоне существовал модный отель, куда был бы закрыт доступ для людей ростом ниже шести футов, высшее общество покорно устраивало бы вечеринки для великанов, чтобы попасть туда. Если бы существовал дорогой ресторан, который по прихоти его владельца открывался бы только во вторник вечером, то по вечерам во вторник там было бы не протолкнуться. Отель «Верной» как бы случайно стоял на углу площади в фешенебельном квартале Белгрэвия. Он был небольшим и очень неудобным, но даже неудобства считались надежной стеной, ограждающей привилегированное сословие. В частности, одно неудобство имело особенно важное значение: в отеле могли одновременно обедать только двадцать четыре человека. Единственный большой обеденный стол стоял под открытым небом на веранде, смотревшей на один из красивейших садов Лондона. Таким образом, даже этими двадцатью четырьмя местами за столом можно было пользоваться только в теплую погоду, но это затруднение лишь делало удовольствие более желанным. Владельцем отеля был еврей по фамилии Левер, который заработал около миллиона фунтов на крайне сложной процедуре доступа в свои владения. Разумеется, он сочетал эти ограничения с самой тщательной заботой о роскоши и изысканности для немногих избранных. Кухня и вина здесь были не хуже, чем в любом из лучших ресторанов Европы, а поведение прислуги точно отражало строгие нормы, укорененные в сознании высшего света. Хозяин знал всех официантов как свои пять пальцев; по слухам, их было лишь пятнадцать человек. Гораздо проще было получить место в парламенте, чем стать официантом в этом отеле. Каждого из них натаскивали на исполнение своих обязанностей в полном молчании и с безупречной точностью, как камердинера в доме настоящего английского джентльмена. В самом деле, на каждого обедающего обычно приходился по меньшей мере один официант.

Члены клуба «Двенадцать верных рыболовов» могли устраивать ежегодный обед только в таком месте, обеспечивающем роскошное уединение. Их чрезвычайно расстроила бы даже мысль о том, что здесь могут обедать члены какого-то другого клуба. По случаю обеда у них было принято выставлять напоказ свои сокровища, как если бы они находились в частном доме, – особенно знаменитый набор вилок и ножей для рыбы, представлявший собой клубную реликвию. Серебряные столовые приборы были искусно выполнены в форме рыбок, и рукоять каждого из них украшала крупная жемчужина. Они всегда выкладывались перед рыбной переменной блюд, которая неизменно была самой торжественной в ходе великолепной трапезы. Клуб имел множество собственных ритуалов и церемоний, но не имел какой-либо цели и истории; именно это делало его столь аристократичным. Не нужно было занимать видное положение в обществе, чтобы стать одним из «двенадцати рыболовов». Если вы не принадлежали к определенному кругу, то никогда не слышали о них. Клуб существовал в течение двенадцати лет. Его президентом был мистер Одли, а вице-президентом – герцог Честерский.

Если мне до некоторой степени удалось передать атмосферу этого поразительного отеля, у читателей может возникнуть естественный вопрос: откуда мне удалось что-то узнать о нем и каким образом столь обычный человек, как мой друг, отец Браун, оказался в этой золотой клетке? Мой ответ будет очень простым и даже банальным. В мире есть один старинный бунтарь и демагог, который врывается даже в самые рафинированные салоны с ужасной вестью о том, что все люди братья. Везде, где этот уравнитель проносится на своем бледном коне, дело отца Брауна – следовать за ним. В тот день одного из официантов, итальянца по происхождению, вдруг разбил паралич, и хозяин отеля разрешил послать за ближайшим католическим священником, хотя и слегка удивился такому суеверию. Содержание беседы отца Брауна со слугой нас не касается по той простой причине, что священник не стал разглашать его. Но, очевидно, оно было связано с составлением письма или заявления, призванного загладить причиненное зло или сделать важное признание. С кроткой настойчивостью, которую он выказал бы и в Букингемском дворце, отец Браун попросил выделить ему отдельную комнату и письменные принадлежности. Мистер Левер разрывался пополам. Он был незлобивым человеком, но по доброте душевной стремился избегать всяческих сцен и затруднений. В то же время присутствие необычного незнакомца в его отеле этим вечером было подобно грязному пятнышку на белоснежной скатерти. В отеле «Верной» не было прихожей или приемной; здесь нельзя было увидеть людей, ждущих в холле, или случайных клиентов. Пятнадцать официантов ожидали прибытия двенадцати гостей. Найти нового гостя в тот вечер было бы так же поразительно, как обнаружить нового родного брата за семейным завтраком или чаепитием. Более того, внешность священника была невзрачной, а одежда забрызгана грязью; даже если бы его увидели издали, это грозило скандалом. В конце концов мистер Левер нашел решение, позволявшее скрыть позор, если не устранить его целиком. Когда вы входите в отель «Верной» (вам никогда не удастся это сделать), то проходите по короткому коридору, украшенному выцветшими, но ценными картинами, и оказываетесь в главном вестибюле, откуда несколько коридоров ведут в гостиные с правой стороны, а еще один коридор уходит налево, в сторону кухни и служебных помещений. Слева же можно видеть угол стеклянного помещения, примыкающего к вестибюлю, своеобразного дома внутри дома; вероятно, когда-то здесь находился старый бар гостиницы.

Теперь в этой стеклянной будке сидит представитель владельца (никто здесь не появляется лично, если это в его силах), а за ней, по пути к служебным помещениям, находится гардеробная для гостей, последняя граница джентльменских владений. Но между будкой и гардеробной есть небольшая отдельная комната, которой хозяин иногда пользуется для важных и деликатных дел – например, дает герцогу займы тысячу фунтов или же отказывается ссудить ему шесть пенсов. То обстоятельство, что мистер Левер разрешил на полчаса осквернить это священное место присутствием обычного священника, марающего бумагу, свидетельствует о

его безграничной терпимости и великодушии. Вполне вероятно, что история, которую записывал отец Браун, была гораздо лучше моей, но о ней никто никогда не узнает. Могу лишь сказать, что она была почти такой же длинной и что последние два-три абзаца были наименее увлекательными.

Когда священник приблизился к концу своего повествования, он немного расслабился и позволил своим мыслям свободно блуждать, а его острые физические чувства пробудились от спячки. Близилось время обеда; в его маленькой комнате не было освещения, и подступающий сумрак, вероятно, обострил слух. Когда отец Браун составлял последнюю и наименее важную часть документа, он обратил внимание, что пишет под звук ритмичного шума снаружи, как человек иногда думает под стук колес, когда едет в поезде. Он сразу же понял, что это было – всего лишь звук шагов, когда кто-то проходил мимо двери, вполне обычная вещь в гостиной. Тем не менее он уперся взглядом в потемневший потолок и прислушался к звуку. Спустя несколько секунд он встал и прислушался еще более внимательно, слегка склонив голову набок. Потом он снова сел и обхватил голову руками; на этот раз он не только слушал, но и думал.

В любой отдельный момент шаги снаружи показались бы самыми обыкновенными, но, взятые в целом, они производили очень странное впечатление. В доме почти всегда стояла тишина, так как немногочисленные посетители сразу же расходились по своим апартаментам, а хорошо вышколенные слуги оставались почти невидимыми, пока в них не было надобности. Трудно было представить место, менее располагающее к необычным событиям. Но шаги производили настолько странное впечатление, что их нельзя было назвать обычными или необычными. Отец Браун выстукивал их ритм пальцем на краешке стола, словно человек, пытающийся заучить мелодию на пианино.

Сначала послышался быстрый перестук мелких шагов, как будто человек легкой комплекции приближался к финишу соревнований по спортивной ходьбе. В какой-то момент шаги смолкли и сменились медленной, размашистой походкой, где один шаг по времени соответствовал едва ли не четырем предыдущим. Когда последние отголоски этих шагов затихли вдали, снова послышался топот легких торопливых ног, вскоре сменившийся тяжелым, размеренным шагом. Это определенно был один и тот же человек, поскольку его туфли характерно поскрипывали при ходьбе.

Ум отца Брауна был устроен так, что он не мог не задавать вопросов, но от размышлений над этой вроде бы тривиальной загадкой у него голова пошла кругом. Он видел, как люди разбегаются перед прыжком. Он видел, как разбегаются перед скольжением по льду. Но с какой стати человек должен разбежаться для того, чтобы перейти на шаг? Или, наоборот, зачем ему переходить на бег со степенной походки? Ни одно другое описание не подходило для трюка, который выделявали невидимые шаги. Человек либо шел очень быстро до половины коридора, чтобы перейти на медленный шаг на другой половине, либо шел очень медленно с одного конца и почти срывался на бег на другом конце. Ни то ни другое не имело особого смысла. В голове отца Брауна становилось все темнее, как и в комнате, где он находился.

Но когда он овладел собой, стусившаяся тьма сделала его мысли более яркими. Перед его мысленным взором пируэты фантастических ног, шагавших по коридору, стали приобретать неестественное или символическое положение. Может быть, это языческий священный танец? Или совершенно новый вид научного эксперимента? Отец Браун пытался глубже проникнуть в значение странных шагов. Возьмем, к примеру, медленную походку: это определенно не шаги хозяина отеля. Люди его типа либо куда-то торопятся, либо сидят спокойно. Это не мог быть слуга или курьер, ждущий распоряжений. Те богачи, что победнее, иногда ходят вразвалку, когда немного пьяны, но, как правило, особенно в такой роскошной обстановке, они стоят или сидят в сдержанных позах. Нет, этот тяжелый, но пружинистый шаг, отдававший беззаботностью, не особенно шумный, но и не беспокоившийся из-за того, сколько шума он

производит, мог принадлежать только одному животному на земле – джентльмену из Западной Европы, которому, вероятно, никогда не приходилось зарабатывать себе на жизнь.

Когда отец Браун окончательно пришел к этому выводу, неизвестный ускорил шаг и прошмыгнул мимо двери с быстротой юркнувшей крысы. Священник отметил, что хотя шаги ускорились, они стали почти бесшумными, словно человек бежал на цыпочках. Но такое поведение у него ассоциировалось не с конспирацией, а с чем-то другим, чего он никак не мог припомнить. Его раздражали смутные обрывки воспоминаний, которые лишь заставляют ощущать свое бессилие. Он, безусловно, уже где-то слышал эту странную быструю походку. Внезапно он вскочил, осененный новой мыслью, и подошел к двери. Его комната не имела прямого выхода в коридор, но с одной стороны вела в стеклянную будку, а с другой примыкала к гардеробной. Он попробовал первую дверь, но она оказалась запертой. Тогда он посмотрел в окно – квадратный проем, заполненный багровыми облаками в сиянии зловещего заката, и на мгновение почуял зло, как собака чует крысу.

Рациональная часть его разума (неважно, более мудрая или нет) снова взяла верх. Отец Браун вспомнил, как хозяин сказал ему, что запрет дверь, а потом придет и выпустит его. Он попытался придумать двадцать разных причин, объясняющих диковинные шаги снаружи, и напомнил себе, что дневного света уже едва хватает для того, чтобы завершить собственную работу. Он перенес бумагу к окну, чтобы не упустить последние отблески вечернего света, и решительно погрузился в почти законченные записи. Он писал около двадцати минут, все ниже склоняясь над бумагой в сгущающихся сумерках, а потом внезапно выпрямился. Странные шаги зазвучали снова.

На этот раз они приобрели еще одну необычную особенность. Раньше неизвестный ходил – легко и с поразительной быстротой, но все же ходил. Теперь он перешел на бег. Быстрые, мягкие шаги приближались по коридору, словно скачки пантеры, преследующей добычу. Чувствовалось, что бежит сильный, подвижный человек, испытывающий сдержанное возбуждение. Но когда шелестящий вихрь поравнялся со стеклянной будкой, он внезапно сменился медленными, размеренными шагами.

Отец Браун отбросил свои бумаги и, зная о том, что дверь в стеклянную контору заперта, сразу же направился в гардеробную на другой стороне. Гардеробщик временно отсутствовал – наверное, потому, что все гости обедали и его должность была обычной синекурой. Пробравшись через серый лес пальто, он обнаружил, что полутемное помещение отделено от ярко освещенного коридора откидной стойкой с распахивающейся дверцей, похожей на те, через которые мы обычно подаем зонтики и получаем жетоны. Над полукруглой аркой перед этим проходом горел свет, частично падавший на отца Брауна, который казался темным силуэтом на фоне тускнеющего заката в окне за его спиной. Но человек, стоявший в коридоре перед гардеробной, был освещен так же ярко, как на театральных подмостках.

Это был элегантный мужчина в простом фраке, высокий, но как будто занимавший совсем мало места; казалось, он мог проскользнуть как тень там, где многие люди меньшего роста были бы заметнее его. Его лицо, залитое светом, было смуглым и оживленным – лицо иностранца. Он держался свободно и уверенно; критик мог бы лишь заметить, что мешковатый черный фрак не вязался с его фигурой и манерами и странно топорщился в некоторых местах. Когда он увидел темный силуэт Брауна на фоне заката, то достал клочок бумаги с написанным номером и с дружелюбной снисходительностью обратился к священнику:

– Пожалуйста, подайте мое пальто и шляпу; мне нужно срочно уйти.

Отец Браун молча принял бумажку и послушно направился за пальто: это была не первая лакейская работа в его жизни. Он принес пальто и положил на стойку. Между тем странный джентльмен пошарил в жилетном кармане и со смехом произнес:

– У меня нет мелкого серебра, можете взять это.

Он бросил на стойку монету в полсоверена и подхватил свое пальто.

Отец Браун оставался неподвижным в полутьме, но в это мгновение он потерял голову. Впрочем, его голова становилась особенно ценной, когда он терял ее. В такие моменты он мог умножить два на два и получить четыре миллиона. Католическая церковь, обрученная со здравым смыслом, часто не одобряла этого, да и он сам не всегда относился к этому одобрительно. Но благодаря подлинному вдохновению в критическую минуту тот, кто терял голову, чудесным образом сохранял ее.

– Думаю, сэр, в ваших карманах найдется серебро, – вежливо сказал он.

Высокий джентльмен уставился на него.

– Черт побери! – воскликнул он. – Я дал вам золото, чего же вы жалуетесь?

– Потому что серебро иногда бывает дороже золота, – кратко ответил священник. – Во всяком случае, в большом количестве.

Незнакомец с любопытством взглянул на него. С еще большим интересом он осмотрел коридор, ведущий к парадному входу. Потом он снова взглянул на Брауна и на этот раз внимательно осмотрел окно за его головой, где догорали последние отблески заката. Казалось, он принял какое-то решение. Он положил руку на стойку и легко, как акробат, перепрыгнул на другую сторону. Нагнувшись к священнику с высоты своего роста, он огромной рукой ухватил его за воротник.

– Стойте спокойно, – отрывистым шепотом приказал он. – Я не хочу угрожать вам, но...

– Зато я буду угрожать вам, – произнес отец Браун, и его голос прозвучал как барабанная дробь. – Я буду грозить вам червем неумирающим и пламенем неугасимым.

– Вы довольно странный гардеробщик, – пробормотал незнакомец.

– Я священник, месье Фламбо, – сказал Браун. – И я готов выслушать вашу исповедь.

Его собеседник несколько мгновений хватал ртом воздух, а затем попятился и опустился на стул.

Первые две перемены блюд на обеде «Двенадцати верных рыболовов» прошли вполне успешно. У меня нет экземпляра меню, но если бы и был, я все равно не смог бы ничего рассказать. Меню было написано на диковинном жаргоне французских поваров, непонятном даже для французов. В клубе существовала традиция, в соответствии с которой закуски были разнообразными и безумно многочисленными. К ним относились серьезно, так как, по общему мнению, они были бесполезным излишеством, как и весь обед, да и сам клуб. Согласно другой традиции, суп был легким и непритязательным – нечто вроде строгого бдения перед предстоящим рыбным пиршеством. За столом велась непринужденная беседа, из тех, что тайно вершат судьбы Британской империи, и все же едва понятная для простого англичанина, даже если бы ему удалось подслушать ее. Членов правительства называли просто по имени с оттенком усталой благосклонности. Радикального министра финансов, которого вся партия консерваторов дружно проклинала за вымогательство, хвалили за его слабые вирши или за посадку в седле на охоте. Лидера консерваторов, которого все либералы вроде бы считали тираном, здесь живо обсуждали и даже хвалили как либерала. Так или иначе, в политиках казалось значительным все, что угодно, кроме их политики.

Председатель, мистер Одли, был любезным пожилым человеком, носившим воротничок эпохи Гладстона; он служил олицетворением этого призрачного и вместе с тем неизменного общества. Он никогда ничего не делал – ни хорошего, ни плохого. Он не был расточителен и даже особенно богат. Он просто находился в центре событий. Ни одна партия не могла игнорировать его, и если бы он пожелал стать членом правительства, то, несомненно, попал бы туда. Вице-президент, граф Честерский, был молодым и многообещающим политиком. Помимо этого, он представлял собой приятного юношу с тщательно уложенными светлыми волосами и веснушчатым лицом, обладавшего посредственным интеллектом и огромными поместьями. Его появления в обществе всегда были удачными и следовали довольно

простому принципу. Когда он придумывал шутку, ее называли блестящей. Когда он не мог придумать шутку, то говорил, что сейчас не время для банальностей, и его называли талантливым. В частной жизни или в клубе среди людей своего круга он был просто откровенным и глуповатым, как школьник. Мистер Одли, никогда не занимавшийся политикой, относился к ней несколько более серьезно. Иногда он даже озадачивал собравшихся загадочными фразами, намекавшими на некое различие между либералами и консерваторами. Сам он был консерватором, даже наедине с собой. С ухоженной гривой седых волос над воротничком он напоминал старомодного государственного деятеля и, если смотреть со спины, был в точности похож на такого человека, какой нужен Британской империи. Спереди он был похож на тихого сибарита, пожилого холостяка с квартирой в Олбани, кем, в сущности, и являлся.

Как уже упоминалось, за столом на террасе имелось двадцать четыре места, а в клубе насчитывалось лишь двенадцать членов. Поэтому они могли расположиться самым роскошным образом с внутренней стороны стола, где перед ними открывался беспрепятственный вид на вечерний сад, все еще сиявший яркими красками, хотя день заканчивался довольно мрачно для этого времени года. Председатель восседал в центре ряда, а вице-президент занял место на дальнем правом краю. Когда двенадцать гостей подходили к своим местам, все пятнадцать официантов по неписаному обычаю выстраивались вдоль стены, как войска на параде перед королем, а толстый хозяин кланялся членам клуба с умильным удивлением, как будто никогда не слышал о них раньше. Но еще до первого звяканья ножа или вилки вся эта армия слуг исчезала, и лишь двое или трое оставались собирать или переставлять тарелки, безмолвными тенями скользя вокруг стола. Разумеется, мистер Левер исчезал задолго до этого в судорогах вежливых расшаркиваний. Было бы преувеличением и даже неуважением предположить, что он мог появиться снова. Но когда вносили самое главное блюдо, торжественное рыбное блюдо, то – как бы это сказать? – возле стола возникала живая тень, некая проекция его личности, намекавшая, что он где-то рядом. Это священное блюдо (естественно, с точки зрения заурядного наблюдателя) представляло собой чудовищный пудинг, размерами и формой напоминавший свадебный торт, в котором неведомое количество всевозможных рыб окончательно потеряло форму, данную Богом. «Двенадцать верных рыболовов» вооружались своими прославленными рыбными приборами и подходили к делу с такой серьезностью, как будто каждый дюйм пудинга стоил не меньше, чем серебряная вилка, с которой он отправлялся в рот. Насколько мне известно, так оно и было. Это блюдо поглощали в благоговейной и напряженной тишине, и лишь после того, как тарелка молодого герцога почти опустела, он сделал ритуальное замечание:

– Такое умеют готовить только здесь.

– Только здесь, – глубоким басом подтвердил мистер Одли, повернувшись к нему и покивав седовласой головой. – Только здесь и нигде больше. Мне говорили, что в кафе «Англэ»...

Тут он был прерван и даже на мгновение взволнован исчезновением своей тарелки, убранный официантом, но восстановил плавное течение своих мыслей.

– Мне говорили, что то же самое умеют готовить в кафе «Англэ». Ничего подобного, сэр, – сказал он, безжалостно покачав головой, словно судья, обрекающий преступника на виселицу. – Ничего подобного.

– Незаслуженная похвала, – произнес некий полковник Паунд, который, судя по его виду, заговорил впервые за последние несколько месяцев.

– Ну не знаю, – оптимистично возразил граф Честерский. – Кое-что там готовят очень неплохо. Например, вы не найдете...

В комнату быстро вошел официант и внезапно застыл на месте. Остановка была такой же бесшумной, как и его шаги, но любезные и рассеянные джентльмены, сидевшие за столом, настолько привыкли к безупречной отлаженности невидимых механизмов, окружавших и поддерживавших их существование, что неожиданное поведение слуги было неслышанным потря-

сением для них. Их чувства можно сравнить с нашими при виде бунта неодушевленных вещей – например, если бы стул вдруг убежал от нас.

За несколько секунд, пока официант стоял неподвижно, на лице каждого из сидевших проявилось странное выражение неловкости, типичное для нашего времени. Оно возникает при попытке сочетания идей современного гуманизма с ужасной бездной, разделяющей бедных и богатых. Подлинный исторический аристократ стал бы швыряться в официанта всем, что подвернется под руку, начиная с пустых бутылок и, вероятно, заканчивая деньгами. Подлинный аристократ снизошел бы до просторечия и спросил бы его, какого дьявола он тут делает. Но современные плутократы не выносят бедняков рядом с собой, и неважно, рабов или друзей. Странное происшествие со слугой для них было досадной помехой. Они не хотели прибегать к жестокости, но их пугала необходимость проявить милосердие. Они просто хотели, чтобы это поскорее закончилось. Так и случилось. Простояв несколько секунд, как истукан, официант повернулся и со всех ног выбежал из комнаты.

Вскоре он снова появился на веранде, вернее, в дверях, на этот раз в обществе другого официанта, с которым он перешептывался и жестикулировал с южной напористостью. Потом первый официант исчез, оставив второго, и вернулся с третьим. Когда к этому импровизированному совету присоединился четвертый официант, мистер Одли счел необходимым нарушить молчание в интересах хорошего тона. Он громко кашлянул, вместо того чтобы воспользоваться президентским молоточком, и произнес:

– Молодой Мучер великолепно поработал в Бирме. Право, ни один другой народ на свете не смог бы...

Пятый официант устремился к нему, как стрела, и прошептал ему на ухо:

– Нижайше просим прощения. Очень важное дело! Не соизволите ли переговорить с хозяином?

Председатель растерянно обернулся и как в тумане увидел мистера Левра, торопливо ковылявшего к ним. Походка хозяина почти не изменилась, чего нельзя было сказать о его лице. Обычно оно имело приятный бронзовый оттенок, но теперь стало болезненно-желтым.

– Прошу прощения, мистер Одли, – пробормотал он с астматической одышкой. – У меня недоброе предчувствие. Ваши рыбные тарелки, их уносили вместе с ножами и вилками?

– Полагаю, да, – ответил председатель, придав своему голосу некоторую теплоту.

– Вы видели его? – взволнованно пропыхтел владелец отеля. – Видели официанта, который унес их? Вы смогли бы узнать его?

– Узнать официанта? – раздраженно переспросил мистер Одли. – Разумеется, нет!

Мистер Леввер в отчаянии развел руками.

– Я его не посылал, – сказал он. – Не знаю, когда и почему он пришел. Я послал своего слугу убрать тарелки, но их уже не было на столе.

Мистер Одли был настолько ошеломлен, что утратил сходство с человеком, который нужен Британской империи. Никто из собравшихся не мог вымолвить ни слова, кроме деревянного полковника Паунда, который вдруг воспрянул к жизни, как гальванизированный труп. Он жестко поднялся со своего места, вставил в глаз монокль и заговорил сиплым приглушенным голосом, словно отвык от устной речи.

– Вы хотите сказать, что кто-то украл наши серебряные рыбные приборы? – спросил он.

Хозяин еще более безнадежно развел руками, а в следующее мгновение все, кто сидел за столом, уже были на ногах.

– Все ваши официанты находятся здесь? – требовательно спросил полковник.

– Да, все здесь, я сам видел! – воскликнул молодой герцог, чье ребяческое лицо высунулось на передний план. – Я всегда пересчитываю их, когда вхожу; они так забавно выстраиваются у стены.

– Но нельзя же точно запомнить... – с тяжелым сомнением начал мистер Одли.

– Говорю вам, я точно запомнил, – возбужденно перебил герцог. – Здесь никогда не было больше пятнадцати слуг, и сегодня их было пятнадцать – клянусь, не больше и не меньше.

Хозяин повернулся к нему, вздрогнув всем телом, словно его вот-вот мог разбить паралич.

– Вы... вы говорите... – пролепетал он. – Вы говорите, что видели пятнадцать официантов?

– Как обычно, – подтвердил герцог. – А в чем дело?

– Ничего особенного, – произнес Левер, в речи которого прорезался заметный акцент. – Но этого не могло быть. Один из них умер и лежит наверху.

Наступило потрясенное молчание. Возможно, упоминание о смерти прозвучало так вовремя, что каждый из этих праздных людей на мгновение всмотрелся в свою душу и обнаружил на ее месте высохшую горошину. Один из них – кажется, герцог – даже осведомился с идиотской благожелательностью:

– Мы можем чем-то помочь?

– У него уже побывал священник, – отозвался еврей, видимо тронутый этим предложением.

Затем, словно по мановению судьбы, они осознали свое положение. Им пришлось пережить несколько неприятных секунд, когда показалось, будто пятнадцатый официант был призраком мертвеца, лежавшего наверху. Трудно было отделаться от гнетущего чувства, потому что призраки для них были такой же досадной помехой, как нищие. Но воспоминание о серебре разбило оковы сверхъестественного и вызвало самую резкую реакцию. Полковник отшвырнул свой стул и зашагал к двери.

– Друзья, если здесь было пятнадцать слуг, то пятнадцатый субъект – вор, – сказал он. – Нужно немедленно закрыть парадный и черный ход, изолировать остальные комнаты. Тогда мы поговорим. Двадцать четыре жемчужины стоят того, чтобы вернуть их.

Сначала мистер Одли как будто сомневался, прилично ли джентльмену действовать в такой спешке, но, посмотрев на герцога, который с юношеской энергией устремился вниз по лестнице, он более степенно двинулся следом.

В это время на веранду выбежал шестой официант и объявил, что он обнаружил на буфете груды рыбных тарелок без каких-либо признаков серебра.

Толпа слуг и посетителей, беспорядочно вывалившаяся в коридор, разделилась на две группы. Большинство членов клуба последовали за хозяином в вестибюль, где устроили штаб-квартиру поисков. Полковник Паунд с председателем и вице-президентом двинулись по коридору, ведущему в служебные помещения, который был наиболее вероятным маршрутом бегства. При этом они миновали тускло освещенный альков гардеробной, где увидели низенького человека в черном, предположительно слугу, который держался в тени.

– Эй, вы там! – позвал герцог. – Здесь кто-нибудь проходил?

Низенький человек не стал прямо отвечать на вопрос.

– Возможно, у меня есть то, что вы ищете, джентльмены.

Они остановились, удивленно переглядываясь, а человек бесшумно удалился в глубину гардеробной и вскоре вернулся с охапкой блестящего серебра, которое он разложил на стойке, словно продавец скобяных изделий. Серебряные предметы оказались дюжиной вилок и ножей причудливой формы.

– Вы... вы... – начал полковник, наконец выведенный из равновесия. Он всмотрелся в полутемную комнату и обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, маленький человек в черном носил одеяние священника, а во-вторых, окно за его спиной было разбито, словно кто-то с разбега выскочил наружу.

– Слишком ценные вещи для гардеробной, не так ли? – с дружелюбной сдержанностью поинтересовался священник.

– Вы... вы украли их? – запинаясь, спросил мистер Одли, с изумлением смотревший на него.

– Даже если так, по крайней мере, теперь я возвращаю их, – любезным тоном отозвался священник.

– Но вы не делали этого, – произнес полковник Паунд, все еще глядевший на разбитое окно.

– По правде говоря, нет, – с некоторым юмором ответил священник и спокойно опустился на табурет.

– Однако вы знаете, кто это сделал, – сказал полковник.

– Я не знаю его имени, – невозмутимо отозвался священник, – но мне кое-что известно о его борцовских качествах и духовных затруднениях. Физическую оценку я получил, когда он попытался задушить меня, а духовную – когда он покаялся в своих грехах.

– Как же, покаялся! – со сдавленным смехом воскликнул молодой герцог Честерский.

Отец Браун встал и заложил руки за спину.

– Странно, не правда ли, что вор и бродяга должен каяться, в то время как многие богатые и сильные мира сего закоснели в грехе и не приносят плода для Бога и человека? – спросил он. – Но здесь, прошу прощения, вы немного вторгаетесь на мою территорию. Если вы сомневаетесь в практической пользе раскаяния, вот ваши ножи и вилки. Вы – «двенадцать верных рыболовов», и вот весь ваш серебряный улов. Но Он сделал меня ловцом человеков.

– Вы поймали вора? – нахмурившись, спросил полковник.

Отец Браун в упор посмотрел на его недовольное лицо.

– Да, – ответил он. – Я поймал его невидимым крючком на невидимую леску, достаточно длинную, чтобы он мог скитаться по всему свету и все же вернуться, когда я потяну его.

Наступило долгое молчание. Остальные разошлись, торопясь показать возвращенное серебро своим товарищам или посоветоваться с хозяином о достойном выходе из этой необычной ситуации. Но суровый полковник остался сидеть боком на стойке, болтая длинными худыми ногами и покусывая кончики темных усов. Наконец он тихо обратился к священнику.

– Вор был умным малым, но, похоже, я знаю человека поумнее его, – сказал он.

– Он умен, – сказал отец Браун. – Но я не вполне понимаю, кого еще вы имеете в виду.

– Вас, – со сдержанным смешком отозвался полковник. – Не беспокойтесь, я не хочу, чтобы этого удалыца посадили за решетку. Но я отдал бы много серебряных вилок за то, чтобы разобраться, как вы встряли в это дело и как вам удалось вытрясти серебро из воровского мешка. Сдается мне, вы самый осведомленный человек в нашей нынешней компании.

Видимо, отцу Брауну пришлось по душе угрюмая откровенность военного.

– Ну что же, – с улыбкой сказал он. – Разумеется, я ничего не могу поведать вам о личности этого человека или о его жизни, но не вижу никаких причин умалчивать о других фактах, которые я выяснил сам.

Он с неожиданной легкостью перемахнул через стойку и уселся рядом с полковником Паундом, болтая короткими ногами, словно мальчишка на заборе. Его рассказ был непринужденным, словно он беседовал со старым другом у камина перед Рождеством.

– Видите ли, полковник, меня заперли в небольшой комнате, где я должен был кое-что написать, – начал он. – Внезапно я услышал, как пара чьих-то ног в коридоре отплясывает странный танец, зловещий, как пляска смерти. Сначала это были мелкие, легкие шажки, словно кто-то решил на спор пройтись на цыпочках. Потом послышались спокойные, размеренные шаги – поступь крупного мужчины, прогуливающегося с сигарой. Но клянусь, шаги принадлежали одному человеку и звучали поочередно: сначала легкие, потом размеренные, потом снова легкие. Сначала я праздно размышлял, кому могло понадобиться играть две роли одновременно, а потом меня задело за живое. Одну походку я знал: она была очень похожа на вашу, полковник. Это поступь ухоженного джентльмена, который чего-то ждет и прогулива-

ется просто для бодрости, а не от беспокойства. Вторая походка тоже показалась мне знакомой, но я никак не мог вспомнить, где ее слышал. Какого дикого зверя я встречал в своих странствиях, который вот так странно крался на цыпочках? Потом где-то раздался стук тарелок, и ответ явился мне, как откровение святому Петру. Это была походка официанта, когда туловище слегка наклонено вперед, глаза смотрят в пол, ноги ступают неслышно, а фалды фрака и салфетки развеваются на ходу. Тогда я немного поразмыслил, и мне показалось, что я вижу суть преступления так же ясно, как если бы сам собирался совершить его.

Полковник Паунд внимательно смотрел на священника, но кроткие серые глаза отца Брауна устали в потолок с выражением почти бездумной печали.

– Преступление сродни любому другому произведению искусства, – медленно произнес он. – Не удивляйтесь. Преступления – не единственные произведения искусства, которые выходят из мастерской дьявола. Но каждое произведение, боговдохновенное или дьявольское, имеет одно неотъемлемое свойство. Я имею в виду, что его суть проста, хотя манера исполнения может быть сколь угодно сложной. Скажем, в «Гамлете» гротескные фигуры могильщиков, цветы безумной девушки, фантастический наряд Озрика, смертельная бледность призрака и ухмылка черепа – лишь элементы спутанного венка вокруг одинокой трагической фигуры человека в черном. Вот и здесь тоже, – с улыбкой добавил он и медленно слез на пол. – Здесь тоже незамысловатая трагедия человека в черном. Да, – продолжал он, заметив удивленный взгляд полковника, – эта история тоже вращается вокруг черных одежд. В ней, как и в «Гамлете», есть барочные излишества – вы сами, с вашего позволения. Есть мертвый слуга, который появился там, где его не могло быть. Есть невидимая рука, очистившая ваш стол от серебра и растворившаяся в воздухе. Но каждое хитроумное преступление, в конце концов, основано на одном простом факте, который сам по себе не имеет отношения к мистике. Мистификация заключается в его маскировке, в умении отвести от него ход ваших мыслей. Это тонкое и (если бы все прошло по плану) чрезвычайно выгодное дело было основано на том простом факте, что вечерний костюм джентльмена не отличается от парадного наряда официанта. Все остальное было актерской работой, и, надо признать, очень искусной работой.

– И все же я не вполне понимаю вас, – сказал полковник, который тоже слез со стойки и теперь хмуро разглядывал свои туфли.

– Полковник, – сказал отец Браун. – Уверю вас, что дерзкий архангел, который украл ваши вилки, двадцать раз прошел взад-вперед по ярко освещенному коридору на виду у всех. Он не прятался по темным углам, где на него могло бы пасть подозрение. Он постоянно был в движении, и куда бы он ни направлялся, всегда казалось, что он имеет полное право там находиться. Не спрашивайте меня, как он выглядел: сегодня вечером вы сами видели его шесть или семь раз. Вы вместе с другими важными гостями ждали в приемной в конце коридора, возле самой веранды. Каждый раз, когда он проходил мимо вас, джентльмены, он двигался легкой поступью официанта, с опущенной головой и развевающейся салфеткой, переброшенной через руку. Он выскакивал на террасу, поправлял скатерть и пулей мчался обратно к конторе и служебным комнатам. Но едва он попадал в поле зрения клерка и других слуг, как становился другим человеком буквально с головы до пят, в каждом инстинктивном жесте. Он прохаживался среди слуг с той рассеянной небрежностью, которую они привыкли видеть в своих хозяевах. Для них не было новостью, когда какой-нибудь щеголь во время клубного обеда расхаживал по всему дому, словно диковинный зверь в зоопарке. Ничто так не отличает сильных мира сего, как привычка бродить там, где они пожелают. Когда прогулка наскучивала ему, он разворачивался и неспешно шел обратно, но в тени за аркой снова преображался, словно по мановению волшебной палочки, и спешил к «двенадцати рыболовам» как исполнительный слуга. К чему джентльменам обращать внимание на какого-то официанта? С какой стати официанты могут в чем-то заподозрить прогуливающегося джентльмена из высшего общества? Один или два раза ему удалось провернуть самый ловкий трюк. В комнатах хозяина он беззаботно попросил

сифон содовой воды, сказав, что ему хочется пить. Он великодушно согласился сам отнести сифон и сделал это – быстро и ловко прошел среди вас в облике лакея, явно выполняющего поручение. Разумеется, так не могло продолжаться до бесконечности, но ему нужно было лишь дожидаться конца рыбной перемены блюд.

Тяжелее всего ему пришлось, когда официанты выстроились в ряд, но и тогда он умудрился прислониться к стене за углом с таким видом, что официанты приняли его за джентльмена, а джентльмены – за официанта. Остальное прошло как по маслу. Если официант заставал его вдали от стола, то видел расслабленного аристократа. Ему нужно было лишь подгадать время за две минуты до конца рыбной перемены. Прежде чем официант явился за тарелками, он превратился в расторопного слугу и сам унес посуду. Он поставил тарелки на буфет, рассовал серебро по карманам, отчего они оттопырились, и побежал как заяц (я это слышал), пока не приблизился к гардеробной. Там он снова преобразился в аристократа, которого внезапно вызвали по важному делу. Ему оставалось лишь отдать номерок гардеробщику и выйти наружу с таким же достоинством, как он пришел. Но дело в том, что гардеробщиком оказался я.

– Что вы с ним сделали? – с необычной горячностью воскликнул полковник. – Что он вам рассказал?

– Прошу прощения, – невозмутимо произнес священник. – На этом моя история заканчивается.

– Зато самая интересная история начинается, – пробормотал полковник. – Кажется, я понял его профессиональную уловку, но что-то не могу разобраться в ваших методах.

– Мне пора идти, – сказал отец Браун.

Они прошли вместе по коридору до передней, где увидели свежее веснушчатое лицо герцога Честерского, с оживленным видом направлявшегося к ним.

– Пойдемте, Паунд! – немного запыхавшись, воскликнул он. – Я повсюду вас ищу. Обед продолжается с новым размахом, и старина Одли собирается произнести речь в честь спасенных вилок. Знаете, мы хотим учредить новую церемонию, чтобы увековечить этот случай. У вас есть какие-нибудь предложения?

– Что ж, – произнес полковник, с сардоническим одобрением поглядывавший на него. – Я предлагаю отныне носить зеленые фраки вместо черных. Кто знает, какие еще недоразумения могут произойти, если джентльмен оказывается так похож на официанта?

– Ерунда! – с жаром возразил юноша. – Джентльмен никогда не бывает похож на официанта.

– А официант, полагаю, не бывает похож на джентльмена, – с угрюмым смешком поддакнул полковник. – Преподобный сэр, должно быть, ваш друг очень умен, если смог изобразить джентльмена.

Отец Браун застегнул свое невзрачное пальто до шеи, потому что вечер выдался ненастный, и снял свой невзрачный зонтик со стойки.

– Да, – сказал он, – должно быть, очень трудно изображать джентльмена, но, знаете ли, мне иногда кажется, что почти так же трудно быть официантом.

Попрощавшись, он распахнул тяжелые двери дворца удовольствий. Золотые ворота захлопнулись за ним, и он бодро зашагал по темным сырým улицам в поисках дешевого омнибуса.

Невидимка

Кондитерская на углу двух крутых улочек в Кэмден-Тауне светилась, как кончик догорающей сигары в прохладных синих сумерках. Или, скорее, как догорающий фейерверк, потому что свет был многоцветным: он дробился во множестве зеркал и танцевал на множестве позолоченных и расцвеченных яркими красками тортов, леденцов и пирожных. К сияющему витринному стеклу прилипали носы многих уличных мальчишек, потому что шоколадки были обернуты в красную, золотистую и зеленую фольгу, которая почти лучше самого шоколада, а огромный, белоснежный свадебный торт каким-то странным образом был невероятно далеким и одновременно манящим, как съедобный Северный полюс. Естественно, такая радужная провокация собирала со всей округи молодежь в возрасте до десяти-двенадцати лет. Но угол двух улиц был привлекателен и для несколько более зрелого возраста: юноша лет двадцати четырех на вид не сводил глаз с той же витрины. Для него кондитерская тоже обладала неотразимым очарованием, но его чувства не вполне исчерпывались любовью к шоколаду, которым, однако, он тоже вовсе не брезговал.

Это был высокий, крепко сложенный рыжеволосый молодой человек с решительным выражением лица, но несколько расслабленными манерами. Под мышкой он держал плоскую серую папку с черно-белыми эскизами, которые более или менее успешно продавал издателям с тех пор, как его дядя (который был адмиралом) лишил его наследства за социалистические взгляды из-за лекции, на самом деле опровергавшей экономическое учение социализма. Его звали Джон Тернбулл Энгус.

Он наконец распахнул дверь, прошел через всю лавку в заднюю комнату, где находилось маленькое кафе-кондитерская, и на ходу приподнял шляпу перед молоденькой продавщицей. Это была смуглая, изящная и бойкая девушка в черном, с румянцем на щеках и очень подвижными темными глазами; спустя минуту-другую она последовала за ним, чтобы принять заказ.

Судя по всему, заказ оставался неизменным.

– Будьте добры, сдобную булочку за полпенни и чашечку черного кофе, – произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. В тот момент, когда девушка отвернулась, он добавил: – И еще я прошу вашей Руки.

Девушка из магазина внезапно посуровела.

– Такие шутки мне не нравятся, – сказала она.

Рыжеволосый молодой человек поднял серые глаза и серьезно посмотрел на нее.

– Я не шучу, – сказал он. – Это серьезно... так же серьезно, как булочка за полпенни. Это дорого, как и булочка, потому что за это надо платить. Это неудобоваримо, как и булочка. Это причиняет боль.

Смуглая девушка не сводила с него глаз и, казалось, изучала говорившего с почти трагической сосредоточенностью. По завершении осмотра на ее лице мелькнула тень улыбки, и она опустила на стул.

– Вам не кажется, что довольно безжалостно есть эти полупенсовые булочки? – с рассеянным видом спросил Энгус. – Из них могли бы вырасти пенсовые булочки. Я откажусь от этой жестокой забавы, когда мы поженимся.

Смуглая девушка поднялась со стула и подошла к окну, словно в глубоком раздумье – впрочем, не выказывая неодобрения к услышанному. Когда она наконец повернулась с решительным видом, то с изумлением увидела, что молодой человек аккуратно выкладывает на стол разные предметы с кондитерской витрины. Там уже красовалась пирамида конфет в разноцветных обертках, несколько тарелок сэндвичей и два графина с таинственными напитками – хересом и портвейном, которые так ценят кондитеры. В центре этого великолепия он акку-

ратно поставил огромный торт, облитый белоснежной сахарной глазурью, который был главным украшением витрины.

– Что вы творите? – спросила она.

– Выполняю свой долг, дорогая Лаура... – начал он.

– Ох, ради бога, прекратите! – воскликнула она. – И не говорите со мной таким тоном. Я спрашиваю, что все это значит?

– Это торжественный обед, мисс Хоуп.

– А это что такое? – нетерпеливо спросила она, указывая на сахарную гору.

– Наш свадебный торт, миссис Энгус, – ответил он.

Девушка подошла к упомянутому предмету, с некоторым усилием подняла его и поставила обратно в витрину. Потом она вернулась, села и, изящно упершись локтями в стол, посмотрела на молодого человека не то чтобы недоброжелательно, но с заметным раздражением.

– Вы даже не даете мне времени на раздумье, – сказала она.

– Я не такой дурак, – ответил он. – Это мой вариант христианского смирения.

Она по-прежнему смотрела на него, но выражение ее лица, несмотря на улыбку, стало гораздо более серьезным.

– Мистер Энгус, – ровным голосом сказала она. – Прежде чем выслушать новую порцию этой чепухи, я должна рассказать вам кое-что о себе. Постараюсь покороче, если получится.

– Я в восхищении, – с серьезным видом отозвался Энгус. – Кстати, заодно вы можете рассказать кое-что и обо мне.

– Придержите язык и послушайте, – отрезала она. – Мне нечего стыдиться и даже не о чем особенно сожалеть. Но как бы вы повели себя, если бы узнали, что дело, к которому я не имею никакого отношения, превратилось для меня в настоящий кошмар?

– В таком случае я предлагаю вам принести торт обратно, – невозмутимо ответил молодой человек.

– Сначала вы должны выслушать мою историю, – настойчивым тоном сказала Лаура. – Для начала скажу, что мой отец был владельцем трактира «Морской окунь» в Ладбери и я обслуживала посетителей бара.

– Меня часто удивляло, почему в этой кондитерской лавке царит такой дух благочестия, – заметил ее собеседник.

– Ладбери – это сонный, захолустный городок в восточных графствах, и единственными нормальными посетителями «Морского окуня» были редкие коммерсанты, а что касается остальных – это самые гадкие люди, которых вы можете представить, только вы таких никогда не видели. Плюгавые бездельники, которым едва хватает на жизнь, дурно одетые, но с большими претензиями, умеющие лишь шататься по барам да играть на скачках. Даже эти убогие юные прожигатели жизни не часто заходили к нам, но двое из них появлялись слишком часто... во всех отношениях. Оба жили на свои деньги и невыразимо докучали мне своим праздным видом и безвкусной манерой одежды. И все-таки я немного жалела их, ведь они заходили в наш маленький пустой бар потому, что у каждого имелось небольшое уродство такого рода, над которым потешаются неотесанные мужланы. Даже не уродство, а скорее природный недостаток. Один из них был удивительно низкорослым, почти карликом – во всяком случае, не выше жокея. Но в его внешности не было ничего жокейского: круглая темноволосая голова, ухоженная черная бородка, глаза живые и блестящие, как у птицы; он звенел деньгами в карманах, поигрывал массивной золотой цепочкой от часов и одевался слишком по-джентльменски, чтобы выглядеть настоящим джентльменом. Впрочем, этот бездельник был совсем не дурак. Настоящий гений импровизации, он с удивительной ловкостью мастерил всевозможные бесполезные вещи, например устраивал фейерверк из пятнадцати спичек, которые зажигались одна от другой, или вырезал из банана танцующих куколок. Его звали Исидор Смайс, и я до сих

пор вижу, как этот темнолицый человечек подходит к стойке и собирает прыгающего кенгуру из пяти сигар.

Другой тип больше молчал и казался заурядным человеком, но почему-то тревожил меня больше, чем бедный маленький Смайс. Он был очень высоким, сухопарым и светловолосым, с горбинкой на носу и мог бы даже сойти за красивое привидение, но он страдал самым жутким косоглазием, которое мне когда-либо приходилось видеть. Когда он смотрел прямо на вас, вы не знали, где сами находитесь, уже не говоря о том, на что он смотрит. Думаю, этот недостаток немного ожесточил беднягу. Если Смайс был готов повсюду демонстрировать свои обезьяньи трюки, то Джеймс Уэлкин (так его звали) лишь потихоньку напивался в нашем баре да подолгу гулял в одиночестве по серым и унылым окрестностям. Мне кажется, что Смайс тоже переживал из-за своего маленького роста, хотя держался с большим достоинством. Неудивительно, что я была сконфужена, встревожена и очень расстроена, когда оба сделали мне предложение в течение одной недели.

Наверное, я поступила глупо. Но, в конце концов, эти чудаки в некотором смысле были моими друзьями, и мне страшно не хотелось, чтобы они думали, что я отказала им по настоящей причине – из-за их невозможного безобразия. Поэтому я выдумала другой предлог и сказала, что поклялась выйти замуж только за человека, который самостоятельно добьется успеха в этом мире. Я сказала, что из принципа не стану жить на деньги, которые достались кому-то по наследству, как моим ухажерам. Через два дня после того, как я поговорила с ними таким благонамеренным образом, начались неприятности. Первым делом я узнала, что оба отправились искать свою удачу, как в какой-нибудь глупой сказке.

С того дня и до сих пор я не видела ни одного из них. Но я получила два письма от коротышки Смайса, и они были довольно увлекательными.

– А от другого не было вестей? – поинтересовался Энгус.

– Нет, он так и не написал, – ответила девушка после секундного колебания. – В первом письме Смайс сообщил, что он отправился пешком в Лондон за компанию с Уэлкином, но тот оказался таким отменным ходоком, что коротышка отстал и присел отдохнуть у дороги. Случилось так, что его подобрал бродячий цирк – отчасти потому, что он был почти карликом, но также из-за его удивительных фокусов. В шоу-бизнесе дела у него пошли очень хорошо, и вскоре его отправили в «Аквариум» показывать какие-то трюки, уже не помню какие. Об этом он рассказал в своем первом письме. Второе было гораздо более необычным, и я получила его только на прошлой неделе.

Энгус допил свой кофе и теперь смотрел на нее с добродушным и терпеливым выражением на лице. Уголки его рта изогнулись в улыбке, когда она продолжила свой рассказ:

– Наверное, вы видели плакаты с рекламой «Бесшумных услуг Смайса»? Если нет, то вы единственный, кто их не видел. О, я мало что знаю об этом – какое-то хитроумное изобретение, чтобы всю работу по дому делали механизмы. Нечто вроде «нажмите кнопку: дворецкий, который не пьет ни капли» или «поверните ручку: десять горничных, которые никогда не флиртуют»! В общем, как бы ни выглядели эти машины, они приносят целую кучу денег, и вся прибыль достается шустрому маленькому чертенку, с которым я познакомилась в Ладбери. С одной стороны, я рада, что бедняга наконец-то встал на ноги, но на самом деле с ужасом ожидаю, что он появится в любую минуту и скажет, что он самостоятельно добился успеха в этом мире, – и будет совершенно прав!

– А другой мужчина? – с тихим упорством повторил Энгус.

Лаура Хоуп внезапно поднялась из-за стола.

– Похоже, вы настоящий волшебник, друг мой, – сказала она. – Да, вы совершенно правы. Я не получала от него ни строчки и понятия не имею, где он находится. Но именно его я боюсь. Это он преследует меня и сводит с ума, если уже не свел: я ощущаю его присутствие там, где его не может быть, и слышу его голос там, где он не может ничего сказать.

– Ну, моя дорогая, будь он хоть сам Сатана, с ним покончено, потому что вы рассказали об этом, – добродушно заметил молодой человек. – С ума сходят в одиночестве. Но когда вам показалось, что вы ощущали присутствие и слышали голос вашего косоглазого приятеля?

– Я слышала смех Джеймса Уэлкина так же ясно, как сейчас слышу ваши слова, – ровным тоном ответила девушка. – Вокруг никого не было, потому что я стояла на углу перед кондитерской и могла видеть обе улицы одновременно. Я уже успела забыть, как он смеется, хотя звук его смеха такой же жуткий, как его косоглазие. Почти год я вообще не думала о нем. Но готова поклясться: не прошло и секунды, как я получила первое письмо от его соперника.

– А вам удалось заставить этого призрака заговорить или хотя бы постучать по столу? – с некоторым интересом спросил Энгус.

Лаура неожиданно вздрогнула, но ответила бестрепетным голосом:

– Да. Как раз в тот момент, когда я дочитала второе письмо от Исидора Смайса, где он объявлял о своем успехе, я услышала голос Уэлкина: «Все равно ты ему не достанешься!» Голос звучал так, как если бы он сам находился в комнате. Это было ужасно, и тогда я подумала, что схожу с ума.

– Если бы вы действительно сошли с ума, то считали бы себя совершенно разумной, – сказал молодой человек. – Но в этом невидимом джентльмене действительно есть нечто странное и подозрительное. Две головы лучше, чем одна, – из скромности не буду упоминать о других органах, – и если вы позволите мне, как здравомыслящему и практичному человеку, вернуть свадебный торт на стол...

Его слова потонули в металлическом скрежете, донесшемся с улицы. Маленький автомобиль на бешеной скорости подкатил к дверям кондитерской и остановился. В следующее мгновение в лавку ворвался коротышка в блестящем цилиндре.

Энгус, до сих пор изображавший беспечное веселье из соображений психической гигиены, теперь выказал свое душевное напряжение, когда резко вышел из внутренней комнаты навстречу пришельцу. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы подтвердить ревнивое подозрение влюбленного мужчины. Этот щегольски одетый, но низкорослый человечек, почти карлик с выпяченной вперед острой черной бородкой, умными беспокойными глазами и изящными, но очень нервными пальцами, не мог быть никем иным, как Исидором Смайсом, который делал куколок из банановой кожуры и спичечных коробков, а потом сколотил миллионы на изготовлении непьющих механических дворецких и бесстрастных металлических горничных. Некоторое время двое мужчин, инстинктивно уловившие, что их объединяет, разглядывали друг друга с холодным снисходительным любопытством, которое составляет сам дух соперничества.

Впрочем, мистер Смайс не стал намекать на истинную причину их противостояния.

– Мисс Хоуп видела эту вещь на витрине? – отрывисто поинтересовался он.

– На витрине? – недоуменно переспросил Энгус.

– У меня нет времени на подробные объяснения, – сухо произнес маленький миллионер. – Здесь происходит какая-то чертовщина, которую нужно расследовать.

Он поднял свою полированную трость и указал на витрину, недавно опустошенную свадебными приготовлениями мистера Энгуса; сей джентльмен с изумлением увидел, что к стеклу прилеплена длинная бумажная полоса, которой там не было, когда он смотрел на улицу несколько минут назад. Последовав за энергичным Смайсом на улицу, он убедился, что кто-то приклеил к стеклу полтора ярда гербовой бумаги, на которой корявыми буквами было написано: «Если выйдешь за Смайса, то умрешь».

– Лаура, – сказал Энгус, просунув в лавку свою большую рыжую голову, – вы не сошли с ума.

– Это почерк Уэлкина, – мрачно сказал Смайс. – Я уже несколько лет не видел его, но он постоянно мне докучает. За последние две недели я получил от него пять писем с угрозами,

подброшенных ко мне на квартиру. Ума не приложу, кто их оставил, если только не сам Уэлкин. Швейцар клянется, что не видел никаких подозрительных личностей. Теперь этот проходимец приклеил целую афишу на витрину кондитерской, пока люди, которые сидели внутри...

– Совершенно верно, – смиренным тоном произнес Энгус. – Пока люди, которые сидели внутри, попивали чай. Что ж, сэр, могу вас заверить, что я ценю ваше здравомыслие и способность переходить прямо к сути дела. Другие вопросы мы можем обсудить впоследствии. Этот тип не мог далеко уйти; клянусь, на витрине не было бумаги, когда я последний раз подходил к ней, то есть десять-пятнадцать минут назад. С другой стороны, он уже слишком далеко для погони, и мы не знаем, в каком направлении он скрылся. Если позволите дать вам совет, мистер Смайс, это дело нужно сразу же передать в руки энергичному следователю, и лучше частному, чем государственному. Я знаком с одним исключительно умным человеком, у которого есть своя контора в пяти минутах езды отсюда на вашей машине. Его зовут Фламбо, и хотя его юность была довольно бурной, сейчас это воплощенная честность, а его мозги стоят ваших денег. Он живет в Лакнау-Мэншенс, это в Хэмпстеде.

– Странно, – сказал маленький человек, изогнув черные брови. – Я сам живу в Гималайя-Мэншенс, прямо за углом. Если не возражаете, поедem вместе: я отправлюсь к себе и соберу эти нелепые послания от Уэлкина, а вы тем временем сбегаете и приведете вашего друга-сыщика.

– Вы очень добры, – вежливо ответил Энгус. – Что же, чем раньше мы приступим к делу, тем лучше.

Оба мужчины, словно заключившие негласный рыцарский договор друг с другом, церемонно попрощались с дамой, а потом сели в шустрый маленький автомобиль. Когда Смайс крутанул руль и они повернули за угол, Энгус невольно улыбнулся, увидев огромный плакат «Бесшумных услуг Смайса» с изображением большой безголовой металлической куклы с каструлей в руках и сопроводительной надписью: «Кухарка, которая никогда не перечит».

– Я пользуюсь ими у себя дома, – со смехом сказал чернобородый коротышка. – Отчасти для рекламы, а отчасти для настоящего удобства. Честно говоря, мои большие заводные куклы действительно подкладывают уголь в камин, приносят кларет или подают расписание проворнее, чем любой живой слуга, которого я когда-либо видел... если знаешь, на какие кнопки нажимать. Но между нами, не стану отрицать, что у таких слуг есть свои недостатки.

– В самом деле? – произнес Энгус. – Есть что-то, чего они не умеют делать?

– Да, – невозмутимо отозвался Смайс. – Они не могут рассказать, кто подбрасывает ко мне домой все эти письма с угрозами.

Автомобиль Смайса был маленьким и юрким, как и он сам. В сущности, как и домашние слуги коротышки, машина была его конструкции. Если он и питал страсть к рекламе, то, по крайней мере, доверял собственному товару. Ощущение миниатюрности и полета усиливалось по мере того, как они мчались по длинным белым изгибам дороги в мертвеном, но еще прозрачном вечернем свете. Вскоре белые изгибы стали круче и головокружительнее; они поднимались по восходящей спирали, как любят выражаться поклонники современных религиозных культов. Они находились в том уголке Лондона, где улицы почти такие же крутые, как в Эдинбурге, хотя и не такие живописные. Террасы поднимались над террасами, а многоквартирный дом, куда они направлялись, возвышался над остальными, словно египетская пирамида, позолоченная лучами заката. Когда они повернули за угол и выехали на гравийный полумесяц, известный как Гималайя-Мэншенс, перемена была такой резкой, словно перед ними распахнулось окно: многоэтажная башня господствовала над зеленым морем черепичных крыш Лондона. Напротив особняков на другой стороне гравийного полумесяца виднелись заросли кустарника, больше похожие на живую изгородь, чем на часть сада, а немного внизу блестела полоска воды, нечто вроде канала, служившего крепостным рвом для этого тенистого замка. На углу в начале полумесяца они проехали мимо человека, торговавшего каштанами с лотка, а

на другом конце полумесяца Энгус смутно видел медленно идущего полисмена в синей форме. Это были единственные человеческие фигуры в уединенном пригородном квартале, но у него возникло непередаваемое ощущение, что они воплощают в себе безгласную поэзию Лондона. Ему показалось, что они похожи на героев еще не написанной книги.

Автомобильчик пулей подлетел к нужному дому и выбросил своего владельца, словно стреляную гильзу. Смайс немедленно учинил допрос высокому швейцару в сияющих галунах и низенькому носильщику в рубашке, не приближался ли кто-нибудь к его апартаментам. Его заверили, что ни одна живая душа не могла проскользнуть мимо бдительных стражей, после чего он вместе со слегка ошеломленным Энгусом взмыл на лифте, как на ракете, на самый верхний этаж.

– Зайдите на минутку, – выдохнул запыхавшийся Смайс. – Я хочу показать вам письма Уэлкина. Потом вы сможете сбегать за угол и привести вашего друга.

Он нажал на скрытую в стене кнопку, и дверь открылась сама по себе. Их взорам предстала длинная, просторная прихожая, единственной достопримечательностью которой, в обычном смысле слова, были ряды высоких механических фигур, отдаленно напоминавших человеческие, выстроившиеся по обе стороны, словно манекены в ателье у портного. Как и манекены, они были безголовыми, имели непомерно выпуклые плечи и грудь колесом, но помимо этого напоминали людей не больше, чем любой привокзальный автомат человеческого роста. Вместо рук каждый был снабжен двумя большими крюками для сервировки подносов, а для отличия друг от друга они были выкрашены в гороховый, ярко-красный или черный цвет; в остальном это были лишь механизмы, не заслуживающие особого внимания. По крайней мере, в этот раз никто даже не взглянул на них. Между двумя рядами этих домашних кукол лежало нечто гораздо более интересное: клочок белой бумаги, исписанный красными буквами. Проворный изобретатель схватил бумажку почти сразу же после того, как открылась дверь. Пробежав ее глазами, он молча протянул записку Энгусу. Красные чернила еще не высохли, а текст гласил: «Если вы виделись с ней, я вас убью».

Наступила короткая пауза; потом Исидор Смайс тихо сказал:

– Не желаете глоточек виски? Мне точно не помешает.

– Спасибо, я лучше схожу за Фламбо, – угрюмо ответил Энгус. – По-моему, это дело становится довольно серьезным.

– Вы правы, – с восхитительной бодростью согласился Смайс. – Приведите его сюда как можно скорее.

Когда Энгус закрывал за собой дверь, он увидел, как Смайс нажал кнопку, и один из его автоматов стронулся с места и покатился по желобу, проложенному в полу, держа поднос с графином и сифоном для содовой. Молодому человеку стало немного не по себе при мысли о том, что он оставляет коротышку в одиночестве среди безжизненных слуг, которые внезапно оживают, когда закрывается входная дверь.

Шестью ступенями ниже площадки, где жил Смайс, человек в рубашке возился с каким-то ведром. Энгус взял с него слово, подкрепленное обещанием скорой награды, что тот останется на своем месте, пока он сам не вернется вместе с детективом, и будет вести счет всем незнакомым людям, поднимающимся по лестнице. Внизу он заключил такое же соглашение со швейцаром у парадной двери, от которого узнал, что в доме нет черного хода, что заметно упрощало положение. Не удовлетворившись этим, он завладел вниманием прохаживающегося полисмена и убедил его держать вход в дом под наблюдением. И наконец, он остановился у лотка, где купил каштанов на один пенни, и осведомился, сколько времени продавец еще будет оставаться на своем месте.

Продавец каштанов, поднявший воротник пальто, сообщил о своем намерении вскоре уйти, так как он думает, что вот-вот пойдет снег. Вечер действительно становился серым и промозглым, но Энгус, призвав на помощь все свое красноречие, уговорил его остаться.

– Подкрепитесь своими каштанами, – с жаром произнес он. – Съешьте хоть все, и вы не пожалеете об этом. Я дам вам соверен, если вы дождетесь моего возвращения и расскажете мне обо всех мужчинах, женщинах или детях, которые зайдут в тот дом, где стоит швейцар.

С этими словами он гордо удалился, напоследок бросив взгляд на осажденную крепость.

– Я обложил его квартиру со всех сторон, – сказал он. – Не могут же все четверо оказаться сообщниками Уэлкина!

Лакнау-Мэншенс находился, так сказать, на более низкой платформе этого застроенного холма, на пике которого возвышался Гималайя-Мэншенс. Полуофициальная квартира Фламбо находилась на первом этаже и являла собой разительный контраст по сравнению с американской механикой и холодной гостиничной роскошью штаб-квартиры «Бесшумных услуг». Фламбо, друживший с Энгусом, принял его в живописной комнатке за рабочим кабинетом, обставленной в стиле рококо. Среди ее украшений были сабли, аркебузы, восточные диковинки, бутылки итальянского вина, первобытные глиняные горшки, пушистый персидский кот и маленький, сучный на вид католический священник, который выглядел здесь особенно неуместно.

– Это мой друг, отец Браун, – сказал Фламбо. – Давно хотел познакомить вас с ним. Сегодня прекрасная погода, но холодновато для южан вроде меня.

– Думаю, ночь будет ясной, – ответил Энгус и присел на восточный диван, обтянутый атласом в фиолетовую полоску.

– Нет, – тихо произнес священник. – Уже пошел снег.

И действительно, первые редкие снежинки, предсказанные продавцом каштанов, закружились за темнеющим окном.

– Боюсь, я пришел по делу, и к тому же весьма срочному, – смущенно сказал Энгус. – Дело в том, Фламбо, что в двух шагах от вашего дома есть человек, который отчаянно нуждается в вашей помощи. Его постоянно преследует и осыпает угрозами невидимый враг – негодяй, которого никто даже не может разглядеть.

Энгус рассказал о Смайсе и Уэлкине, начиная с истории Лауры, упомянул о сверхъестественном смехе на углу двух пустых улиц и о странных отчетливых словах, произнесенных в пустой комнате. Слушая его, Фламбо выглядел все более озабоченным, но маленький священник оставался совершенно бесстрастным и неподвижным, словно предмет мебели. Когда дело дошло до надписи на гербовой бумаге, прилепленной к витрине, Фламбо встал и как будто заполнил всю комнату своими могучими плечами.

– Если не возражаете, лучше расскажете мне остальное по дороге к его дому, – сказал он. – Мне почему-то кажется, что нам нельзя терять времени.

– Превосходно, – Энгус тоже встал. – Хотя пока что он в безопасности: я приставил четырех человек следить за единственным входом в его логово.

Друзья вышли на улицу, и маленький священник потрусил за ними, как послушная собачка. Он лишь добродушно заметил, словно пытаясь завязать разговор:

– Смотрите, как быстро намело снегу!

Пока они поднимались по крутым переулкам, уже блиставшим зимним серебром, Энгус закончил свой рассказ, а к тому времени, когда они приблизились к полукругу многоквартирных домов, смог опросить четырех своих стражей. Продавец каштанов, до и после получения соверена, упорно твердил, что наблюдал за дверью и не видел никаких посетителей. Полисмен был более категоричен. Он сказал, что имел дело со всевозможными проходимцами, и в цилиндрах и в лохмотьях; но он не такой простак, чтобы ожидать подозрительного поведения от подозрительных типов; он был готов следить за всеми, но, слава богу, никто не появился. А когда они собрались вокруг швейцара, с улыбкой стоявшего на крыльце, то услышали еще более окончательный вердикт.

– У меня есть право спрашивать любого человека, будь он герцог или мусорщик, что ему нужно в этом доме, – сказал добродушный великан в мундире с золотым шитьем. – Клянусь, здесь было некого спрашивать с тех пор, как ушел этот джентльмен.

Незаметный отец Браун, который отступил назад и скромно потупил взор, собрался с духом и кротко спросил:

– Значит, никто не поднимался и не спускался по лестнице с тех пор, как пошел снег? Снегопад начался, когда мы втроем были на квартире у Фламбо.

– Здесь никого не было, сэр, можете поверить мне на слово, – заявил привратник с непрекаемой авторитетностью.

– Тогда интересно, что это такое? – произнес священник и снова уперся в землю немигающим рыбьим взором.

Все остальные тоже посмотрели вниз; Фламбо отпустил пару крепких словечек и всплеснул руками по-французски. Посреди входа, охраняемого швейцаром в золотых галунах – в сущности, прямо меж расставленных ног этого колосса – тянулась цепочка грязно-серых следов, отпечатавшихся на белом снегу.

– Боже! – невольно воскликнул Энгус. – Это Невидимка!

Без лишних слов он повернулся и устремился вверх по лестнице в сопровождении Фламбо, но отец Браун остался стоять, поглядывая на занесенную снегом улицу, словно вдруг утратил интерес к своей находке.

Фламбо был явно настроен выбить дверь своим мощным плечом, но шотландец Энгус поступил более благоразумно, хотя и не так драматично. Он провел пальцами по дверному косяку, пока не нашел невидимую кнопку, и тогда дверь медленно отворилась.

Картина внутри была в целом такой же, как и раньше; в прихожей стало темнее, хотя в комнату еще пробивались последние алые лучи заката. Несколько безголовых автоматов передвинулись со своих мест с какой-то неведомой целью и стояли тут и там в вечерних сумерках. Их зеленая и алая раскраска стала почти незаметной, очертания размылись, и они странным образом стали немного более похожими на людей. Но в самом центре, где раньше лежала бумажка, исписанная красными чернилами, теперь находилось нечто очень похожее на лужу красных чернил, пролитых из бутылочки. Однако это были не чернила.

С подлинно французским сочетанием неистовства и рассудительности Фламбо лишь заметил: «Убийство!» – и, ворвавшись в квартиру, за считанные минуты обшарил все шкафы и укромные уголки. Но если он ожидал найти труп, его постигла неудача. Исидора Смайса просто не было в квартире, ни живого, ни мертвого. После тщательных поисков двое мужчин встретились в прихожей и уставились друг на друга, утирая пот с лица.

– Друг мой, – сказал Фламбо, который от волнения перешел на французский. – Ваш убийца не только невидим, но и делает невидимыми свои жертвы.

Энгус обвел взглядом сумрачную комнату, полную механических кукол, и в каком-то кельтском уголке его шотландской души зародился суеверный трепет. Один из автоматов в рост человека стоял прямо перед кровавым пятном, вероятно вызванный убитым хозяином в последний момент. Большой крюк, торчавший из высокого плеча и заменявший ему руку, был немного приподнят, и у Энгуса возникло жуткое подозрение, что бедный Смайс был сражен одним из собственных железных созданий. Косная материя восстала против духа, и машины убили своего хозяина. Но в таком случае что они с ним сделали?

«Сожрали его?» – шепнул голос из кошмара ему на ухо, и ему сразу же стало дурно при мысли о разорванных человеческих останках, поглощенных и перемолотых механическими внутренностями манекенов.

Он с усилием отогнал от себя это видение и обратился к Фламбо:

– Ничего не поделаешь. Бедняга испарился и оставил лишь красное пятно на полу. Похоже, эта история не принадлежит к нашему миру.

– Принадлежит или не принадлежит, остается только одно, – сказал Фламбо. – Я должен пойти вниз поговорить со своим другом.

Они спустились по лестнице, миновав человека с ведром, который снова заверил, что не пропустил ни одного незваного гостя, к швейцару и болтавшемуся поблизости продавцу каштанов, подтвердившему свою бдительность. Но когда Энгус поискал взглядом своего четвертого стража, то не смог обнаружить его.

– А где полисмен? – с некоторой тревогой спросил он.

– Прошу прощения, это я виноват, – сказал отец Браун. – Я недавно послал его навести кое-какие справки... мне показалось, это стоит сделать.

– Он нужен нам здесь как можно скорее, – резко сказал Энгус. – Тот несчастный, что жил наверху, не только погиб, но и пропал.

– Каким образом? – спросил священник.

– По правде говоря, отец, я убежден, что это больше по вашей части, а не по моей, – сказал Фламбо после небольшой паузы. – Ни один друг или враг не входил в дом, но Смайс исчез, как будто его похитили эльфы. Если это не сверхъестественный случай, то я...

Его речь была прервана необычным зрелищем: рослый полисмен в синей форме выбежал из-за угла и во весь опор помчался к отцу Брауну.

– Вы были правы, сэр, – пропыхтел он. – Тело бедного мистера Смайса только что нашли в канале внизу.

Энгус в замешательстве поднес руку ко лбу.

– Он побежал туда и утопился? – спросил он.

– Клянусь, он не спускался вниз, – ответил констебль. – И он не утонул, потому что был убит ножом в сердце.

– Тем не менее вы видели, что никто не входил в дом, – мрачно произнес Фламбо.

– Давайте немного пройдемся по улице, – предложил священник.

Когда они подошли к дальнему концу полукруга домов, он вдруг воскликнул:

– Какая глупость с моей стороны! Я забыл спросить у полисмена, не нашли ли поблизости светло-коричневый мешок.

– Почему светло-коричневый? – изумленно спросил Энгус.

– Потому что если бы мешок был любого другого цвета, все пришлось бы начать сначала, – ответил отец Браун. – Но если он светло-коричневый, то дело можно считать закрытым.

– Рад это слышать, – с иронией произнес Энгус. – Насколько мне известно, оно и не начиналось.

– Вы должны все рассказать нам, – сказал Фламбо с тяжеловесным детским простодушием.

Невольно ускоряя шаги, они шли по длинному изгибу улицы на другой стороне высокого холма; отец Браун, возглавлявший процессию, некоторое время хранил молчание. Наконец он сказал с почти трогательной застенчивостью:

– Боюсь, объяснение покажется вам слишком прозаическим. Мы всегда начинаем с абстрактных вещей, и эта история не может начаться как-то иначе. Вы никогда не замечали, что люди никогда не отвечают именно на тот вопрос, который вы задаете? Они отвечают на вопрос, который слышат или хотят услышать. Допустим, одна пожилая дама в загородном доме говорит другой: «Кто-нибудь живет вместе с вами?» Ее собеседница никогда не ответит «Да, дворецкий, трое слуг на посылках, горничная и так далее», хотя горничная может находиться в комнате, а дворецкий – стоять за ее креслом. Она скажет: «С нами никого нет», имея в виду, что нет никого из тех, о ком вы спрашивали. Но предположим, что врач во время эпидемии спросит ту же самую даму: «Кто живет в вашем доме?» Тогда она сразу же вспомнит дворецкого, горничную и всех остальных. Это особенность языка: вам никогда не ответят на вопрос буквально, даже если ответят правдиво. Когда эти четыре честных и достойных чело-

века утверждали, что никто не входил в дом, они на самом деле не имели в виду, что никто туда не входил. Они имели в виду только тех, кого могли в чем-то заподозрить. На самом деле один человек зашел в дом и вышел обратно, но они даже не заметили его.

– Невидимка? – осведомился Энгус, приподняв рыжую бровь.

– Он сделался психологически невидимым, – пояснил отец Браун.

Спустя короткое время он продолжил рассказ тем же самым застенчивым тоном, словно размышляя вслух:

– Разумеется, вы не заподозрите такого человека, если специально не подумаете о нем. В этом и состоит его хитрость. Но я заподозрил его из-за нескольких мелких подробностей в рассказе мистера Энгуса. Во-первых, он сказал, что Уэлкин имел пристрастие к долгим пешим прогулкам. Во-вторых, кто-то прилепил на витрину длинную полосу гербовой бумаги. И наконец, самое главное, юная леди упомянула о двух вещах, которые просто не могут быть правдой. Не обижайтесь, – добавил он, заметив, как дернулась голова Энгуса. – Она думала, что говорит правду, но все же это неправда. Человек не может находиться на улице в полном одиночестве за мгновение до того, как ему вручают письмо. Она не могла быть на улице совершенно одна, когда начала читать только что полученное письмо. Кто-то был совсем рядом с ней, но оставался психологически невидимым.

– Почему кто-то был рядом с ней? – спросил Энгус.

– Потому что, если исключить почтовых голубей, кто-то должен был принести ей письмо, – объяснил отец Браун.

– Вы действительно хотите сказать, что Уэлкин носил даме своего сердца письма от своего соперника? – с жаром осведомился Фламбо.

– Да, – ответил священник. – Уэлкин носил даме своего сердца письма от своего соперника. Видите ли, он был обязан это делать.

– Я больше этого не вынесу! – взорвался Фламбо. – Кто этот тип? Как он выглядит? Во что обычно наряжается психологически невидимый человек?

– В очень красивый красно-голубой наряд с золотой каймой, – моментально ответил священник, – и в этом заметном, даже вызывающем костюме он вошел в Гималайя-Мэншенс под присмотром четырех пар зорких глаз. Потом он хладнокровно зарезал Смайса и спустился на улицу с мертвым телом в руках...

– Достопочтенный сэръ! – воскликнул Энгус и остановился. – Кто-то из нас спятил, но не могу понять – вы или я?

– Вы не сошли с ума, – сказал Браун. – Просто вы не очень наблюдательны. К примеру, вы не заметили такого человека, как этот.

Он сделал три быстрых шага вперед и положил руку на плечо обычному почтальону, который спешил куда-то по своим делам, скрытый в тени деревьев.

– Почему-то никто не замечает почтальонов, – задумчиво сказал он. – Однако у них есть чувства, как и у других людей, и они даже носят с собой большие холщовые сумки, куда можно легко уложить труп маленького человека.

Вместо того чтобы обернуться, почтальон отпрянул в сторону и налетел на садовую ограду. Это был сухопарый мужчина со светлой бородкой, самой обычной внешности, но когда он повернул к ним испуганное лицо, всех троих поразило его жуткое, почти демоническое косоглазие.

Фламбо, у которого было еще много дел, вернулся к своим саблям, восточным коврам и персидскому коту. Джон Тернбулл Энгус вернулся к девушке из кондитерской, с которой этот неосмотрительный молодой человек с тех пор ухитряется замечательно проводить время. А отец Браун еще много часов прогуливался под звездами по заснеженным холмам вместе с убийцей, но что они сказали друг другу – навеки останется тайной.

Лиловый парик

Эдвард Натт, прилежный редактор газеты «Дейли реформер», сидел у себя за столом, распечатывая письма, и правил гранки под веселый напев пишущей машинки, на которой стучала энергичная юная дама.

Мистер Натт работал без пиджака. Это был плотно сбитый светловолосый мужчина с решительными движениями, твердо очерченным ртом и безапелляционным тоном голоса, но в его круглых и широко распахнутых, словно у младенца, голубых глазах застыло недоуменное и даже тоскливое выражение, странным образом противоречившее первому впечатлению. Впрочем, это выражение не было обманчивым. О нем, как и о многих облеченных властью журналистах, по праву можно было сказать, что он жил в постоянном страхе – в страхе против обвинений в клевете, в страхе перед потерей рекламодателей, перед опечатками и, наконец, перед увольнением.

Его жизнь состояла из ряда тяжелых компромиссов между владельцем газеты (то есть его работодателем) – дряхлым мыловаром с тремя неустраняемыми ошибками в извилинах головного мозга – и талантливыми сотрудниками, которых он набрал в редакцию. Среди них были блестящие и опытные журналисты, а также, что гораздо хуже, искренние энтузиасты политической линии, проводимой газетой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.